

ЗА РУБЕЖОМ

КУЛЬТУРА
ИСКУССТВОЯРКИЙ СЛЕД
НА ЗЕМЛЕ

90-летие со дня рождения лауреата
международной Ленинской премии
«За укрепление мира между народами»
Ярослава Ивашкевича широко отмечается
в нашей стране

Близится к концу двадцатый век, и Кло, прекрасная и строгая муза истории, начинает делать свои выводы. Прислушиваясь к ее голосу, мы уже вправе сказать, что Ярослав Ивашкевич вошел в историю польской художественной культуры нашего века как одна из ее центральных фигур. Еще при жизни Я. Ивашкевича издания его книг вышли в свет на многих языках мира. Многотомные собрания его сочинений, выходящие в Польше и в нашей стране, далеко не отражают всей полноты и богатства его духовного мира, его неутомимой жажды познания и творчества.

Не будет преувеличением сказать, что наследие Ярослава Ивашкевича охватывает все жанры литературного творчества — от мемуаральной трилогии и сценических произведений до прозаических миниатюр и лирических стихотворений, которые начали появляться в печати уже в 1915 году. Но к этому надо добавить еще монографии о Шопене и Бахе, написанные на высоком профессиональном уровне не только благодаря тому, что в 1912—1918 годах юный Ярослав учился как на юридическом факультете Киевского университета, так и в Киевской консерватории, возглавлявшейся с 1914 года Р. М. Глиэром. Нет, дело было не столько в специальном образовании, сколько в многолетнем общении и творческом содружестве с великим польским композитором, дальним родственником Я. Ивашкевича Каролем Шимановским.

В юные годы они встречались в имении Шимановских в Тимошовке, недалеко от Елизаветграда (теперь Кировоград), где Густав Нейгауз основал музыкальную школу, в которой Кароль учился вместе с сыном директора Генрихом, часто бывавшим в Тимошовке и ставшим, по выражению Кароля, ее «главной приманкой» для частых гостей. Сопоставление имен Иваш-

кевича, Шимановского и Нейгауза сразу же обнаруживает черту, присущую всем трем мастерам, — поразительную энциклопедичность их кругозора. Литература, живопись, музыка, зодчество, далекое прошлое, античные мифы, средневековье и современность — все это входило в круг интересов друзей, собиравшихся в гостеприимном доме Станислава Корвин-Шимановского (отца композитора). Мне выпали на долю счастье и честь встречаться и беседовать с этими многоталантистыми людьми, и я неизменно восхищался тем, с какой восторженностью они говорили друг о друге и о том, что объединяло их с юных лет. Ярko отразилась эта восторженность в «Воспоминаниях о Шимановском» Я. Ивашкевича (фрагменты его воспоминаний включены в сборник, выпущенный издательством «Музыка» к недавно отмечавшемуся юбилею К. Шимановского).

Имя Ярослава Ивашкевича известно прежде всего как имя одного из тех мастеров, которые пришли на смену Стефану Жеромскому, Болеславу Прусу, Владиславу Реймонту, Элизе Ожешко, обращавшимся к острым социальным проблемам. Интерес к социальным конфликтам не сразу проявился у Я. Ивашкевича, а лишь после того, как он отдал дань эстетике символизма. Впрочем, уже и в ранний период творчества писателя привлекали морально-этические проблемы.

После переезда в Польшу, возвращению государственной самостоятельности которой способствовали свершения Октября, Я. Ивашкевич примкнул к группе писателей, связанных с журналом «Скамандр». Четкой программы у этого содружества, к которому принадлежали Ю. Тувим, А. Слонимский и другие, не было, как не было ее ни у ранее созданной группы «Молодая Польша» и «Молодая Польша в музыке», к которой

примкнул Кароль Шимановский.

Но если у различных творческих групп и объединений не было «манифестов» (если не считать, конечно, таковыми декларации отдельных писателей и композиторов), то были великие национальные традиции, связанные с именами Шопена и славной плеядой писателей, включая Яна Кохановского и знаменитых романтиков. Я. Ивашкевич глубоко изучал эти традиции и понял, что каждому мастеру культуры необходимо не только дарование, но и высокий профессионализм, порождаемый интеллектуальными усилиями. Именно такое сочетание определило становление Ярослава Ивашкевича как писателя и деятеля культуры, сыгравшего огромную роль в развитии литературы и музыки в довоенной Польше и в особенности в народной Польше. Долгие годы Я. Ивашкевич возглавлял Союз писателей ПНР.

В процессе становления сформировался яркий, своеобразный облик писателя — гражданина и патриота. Уже в 1934 году появился завоевавший международное признание роман Я. Ивашкевича «Красные циты». Действие романа происходит в эпоху средневековья, но концепция его глубоко прогрессивна, ибо показывает, насколько трагична судьба человека, не борющегося с гнетущей его действительностью, а пытающегося уйти от нее.

Внимание Я. Ивашкевича привлекли большие полотно польских прозаиков, стремившихся к широкому охвату действительности и ее проблем. Недаром «Землю обетованную» В. Реймонта, книгу, обличающую социальные контрасты промышленной Лодзи, назвали «романом без героев», недаром аналогичное отношение к польскому селу ощущается в его шедевре «Мужики». Я. Ивашкевича интересовали более всего сложные судьбы польской творческой интеллигенции. Им он посвятил наиболее монументальное свое произведение — трилогию «Хвала и слава», в которой он, умудренный опытом военных лет, попытался разобраться в противоречиях и заблуждениях эпохи своей юности.

Некоторые критики высказывали предположение, что прообразом главного героя трилогии — композитора Эдгара Шиллера якобы послужил Шимановский, другие склонны были искать в этом сложном образе автобиографические черты. Писатель резко выступил против обеих гипотез, подчеркнув право мастера на обобщение и право наделять своих персонажей чертами реально существовавших людей. В беседах с автором этих строк Я. Ивашкевич указывал, что правом этим широко пользовались классики литературы.

Отповедь писателя литературоведам была помещена в газете «Жиче Варшавы», где еженедельно публиковались его знаменитые «Беседы о книгах». То были блестящие эссе, посвященные книгам о литературе, музыке, живописи, истории культуры, книгам на разных языках, ибо Я. Ивашкевич был настоящим полиглотом. «Круг чтения» его был поистине необозримым. Подобно Каролу Шимановскому и другому классику польской музыки нашего времени — Мечиславу Карловичу, он особенно любил Тургенева, хорошо знал русскую поэзию, внимательно следил за новыми изданиями классиков и за новинками мировой литературы и искусства. Он читал в подлиннике Пушкина и Гоголя, Шолохова и Булгакова, слушал музыку Глинки и Чайковского, Скрябина и Мясковского.

Кумиром Я. Ивашкевича до конца его дней оставался Шопен, перед музыкой которого он преклонялся. Я сохраняю благодарное воспоминание о встречах с этим удивительным человеком как в частной обстановке, так и на традиционных конкурсах пианистов имени Шопена в Варшаве, в Обществе имени Шопена, почетным членом которого он был избран по заслугам. Приезды писателя в Москву были проявлением не только дружбы наших народов, но и общностью стремлений в эпоху создания нового мира, служения новым идеалам, которые так долго искал герой трилогии Эдгар Шиллер, но в полной мере постиг Ярослав Ивашкевич.

Игорь БЭЛЗА.